

Что прежде всего бросается в глаза при чтении «Владимира» Хераскова и «Крещения св. Владимира» Гавличка — это общее для них обозначение Владимира «царем». Конечно, древние летописи никогда не называли так великого киевского князя; для Феофана Прокоповича Владимир также был «всех славенороссийских стран князь и повелитель». В противоположность этому поэма Хераскова без колебаний популяризировала очевидный исторический анахронизм, титулуя Владимира «царем» и лишь иногда называя его действительным историческим наименованием. В сатире Гавличка Владимир последовательно выступает как царь, поэтому его карикатурный образ мог служить для критики царского самодержавия вообще.

Совершенно очевидная близость между композициями русской поэмы и «легенды» Гавличка наблюдается в сходных описаниях княжеских и царских советов, о которых в летописях нет упоминаний. В двух действиях своей «трагедокомедии» вывел их на сцену уже Прокопович. Мастером изображения массовых сцен был Херасков, которому этот художественный прием был необходим для придания своим поэмам эпической широты. Уже в начальных песнях его «Владимира» мы видим две картины советов. Во второй «песне» совет богов был созван адским властителем мира («князем мира»), воплощенным в Перуне.

Нетрудно увидеть, как сходна с этой картиной аналогичная сцена «министерского совета» в седьмой песне «Крещения св. Владимира». Там тоже сидят царские министры в «тайном кабинете» и обсуждают необычный вопрос — проблему бога: «В главном вопросе все были || одинакового мнения: || без бога с простым народом || не выдержать». Делались различные предложения, как на место утопленного Перуна заполучить нового бога. После министров внутренних дел, внешних дел, министра финансов взяли следующие четыре министра, круг деятельности которых напоминает аналогичные «сферы влияния» языческих богов у Хераскова. Министр строек, подобно богу бурь и ветров Посвисту, предлагал меры практического характера. Министры права, просвещения и военных дел как бы стали противоположными полюсами судьбы ада Ния, бога света Знич и воинственного Чернобога. Конечно, они делали свои предложения совершенно в ином духе, чем боги у Хераскова, но смысл обеих картин в общей структуре поэм аналогичен.

Бросается в глаза сходство обоих произведений также и в сценах, изображающих, как представители различных религий старались добиться доверия Владимира и утвердить свою веру в Киевской Руси. При этом оба автора опирались на данные летописей, приспособлявая их к задачам своих произведений.

Херасков очень сгустил события, связанные с описанным в летописях приходом в Киев иноплеменных послов, восхваляющих каждый свою веру. Они сосредоточены у него в одной об-